ГЕНЕРАЛЪ А. И. ДЕНИКИНЪ

Русскій вопросъ на Дальнемъ Востокѣ

ПАРИЖЪ
1932

ГЕНЕРАЛЪ А. И. ДЕНИКИНЪ

Русскій вопросъ на Дальнемъ Востокѣ

ПАРИЖЪ
1932

1.

Снова надъ землею рѣетъ зловѣщій призракъ мірового пожара, загорающагося на Дальнемъ Востокѣ и на Рейнѣ и готоваго перекинуться къ русскимъ рубежамъ. Что несетъ онъ русскому народу, мы не знаемъ Оторванная отъ Родины въ теченіе долгихъ лѣтъ, утопающая во взаимныхъ политическихъ распряхъ, русская эмиграція, въ запутавшемся клубкѣ международныхъ столкновеній, не находитъ и общаго пониманія россійскихъ національныхъ интересовъ. Переплелись даже столь опредѣленныя противоположенія, какъ патріотизмъ и предательство, оборончество и пораженчество.

Примѣромъ такого отрыва отъ родной почвы въ прошломъ является судьба властителя думъ русской передовой интеллигенціи 50-60-хъ годовъ, эмигранта Герцена, и его гремѣвшаго, пользовавшагося громаднымъ вліяніемъ въ Россіи «Колокола»... Въ Варшавѣ, въ январѣ 63 года, вспыхнуло вооруженное возстаніе, начавшееся истребленіемъ спавшихъ въ казармахъ русскихъ солдатъ и ставившее цѣлью возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года... Въ то же время европейскія державы вступились въ этотъ «споръ славянъ между собою», угрожая Россіи вооруженнымъ вмѣшательствомъ. Эти событія имѣли слѣдствіемъ взрывъ патріотизма въ Россіи и перемѣну отношенія къ полякамъ даже въ тѣхъ кругахъ, которые, подобно Аксакову, считали ранѣе возможнымъ вывести изъ Польши всѣ русскія войска и предоставить ей управляться самой.

Между тѣмъ, Герценъ поддерживалъ польское возстаніе и въ горячихъ статьяхъ призывалъ русскихъ воиновъ переходить въ польскій станъ для борьбы «съ

правительственными войсками»... Этимъ онъ подписалъ приговоръ себѣ и «Колоколу»: послѣ 63 года политическое вліяніе его упало совершенно.

Я привелъ этотъ эпизодъ только какъ примѣръ отрыва эмигрантскаго теченія отъ настроеній страны, отнюдь не проводя параллели между двумя режимами и ихъ политикой — абсолютно несравнимыми.

Положеніе наше въ отношеніи духовнаго общенія съ Россіей внутренней несоизмѣримо труднѣе, чѣмъ прежнихъ эмигрантовъ. И въ смыслѣ проникновенія т у д а нашего вліянія, и въ смыслѣ полученія о т т у д а правильныхъ свѣдѣній о настроеніяхъ народныхъ. Оттуда — изъ страны, гдѣ задушены слово, печать, общественная жизнь, гдѣ каждый пятый человѣкъ вольный или невольный «сексотъ», гдѣ карается «высшей мѣрой» не только содѣянное, но и слово, даже мысль, еще не высказанная... Подневольная Россія молчитъ, и только заглушенные стоны ея свидѣтельствуютъ передъ міромъ — глухимъ, жаднымъ и эгоистичнымъ — о всей глубинѣ народнаго бѣдствія.

А безъ народа борьба обречена на неудачу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ неопровержимо наше недавнее прошлое. Въ эти годы великой смуты боролись арміи, боролись сотни тысячъ русскихъ людей, были и есть вспышки народнаго гнѣва, были и есть миражи народнаго подъема, но н а р о д ъ еще не возставалъ. Вотъ основная причина неудачи до сей поры противобольшевистскихъ движеній.

Нашъ долгъ — будить въ народѣ словомъ и дѣломъ волю къ возстанію, используя всѣ внутреннія затрудненія совѣтской власти, всѣ тѣ возможности, создаваемыя международными кризисами, которыя сулятъ подлинное спасеніе, а не новое порабощеніе.

Если назрѣвающія міровыя событія такъ глубоко интересуютъ русскую эмиграцію, то понятно особенное волненіе, которое они вызвали среди тѣхъ, кто не потеряли еще надежды выступить снова съ оружіемъ въ рукахъ для спасенія своей Родины, — среди зарубежнаго воинства. Ибо для насъ этотъ вопросъ — не только словопреній, но и дѣйствія. И то или другое рѣ-

шеніе можетъ поднять на осмысленный патріотическій подвигъ или ввергнуть въ безславную и гиблую авантюру.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при иныхъ, но такъ же тревожныхъ, обстоятельствахъ, на вопросъ своихъ соратниковъ — «какъ быть?» — я отвѣтилъ:

1. Русское воинство не можетъ принимать участія въ войнѣ въ рядахъ союзниковъ и пособниковъ большевиковъ, а также тѣхъ, кто подымется для расчлененія Россіи.

2. Русское воинство должно принять самое широкое участіе во всякой коалиціи, имѣющей цѣлью освобожденіе Россіи отъ большевиковъ.

3. Русское воинство должно беречь свою кровь, не ввязываясь въ чужія распри, и не жалѣть жизни для русскаго дѣла.

Эти три положенія, отрѣшенныя отъ всякаго «фильства» и «фобства», и представляющія только р у с с к у ю точку зрѣнія, по твердому моему убѣжденію, должны лечь въ основу нашего отношенія и къ развертывающимся нынѣ событіямъ.

2.

Основнымъ стержнемъ, вокругъ котораго круто завязался узелъ дальне-восточныхъ столкновеній, является политика Японіи.

Островная Японія перенаселена въ высшей степени (405 чел. на кв. милю) и должна искать выхода для избытка своего населенія, ежегодный приростъ котораго превосходитъ 800 тысячъ. Островная Японія нуждается въ нефти, въ углѣ, въ желѣзѣ, стали и хлопкѣ и принуждена искать ихъ на континентѣ Азіи или за океаномъ. Не хватаетъ ей и предметовъ питанія. Колоссально развившаяся промышленность, по масштабу своему далеко превосходящая отечественную потребность и наличіе собственнаго сырья, толкаетъ Японію къ за-

хватамъ рынковъ. Все это, вмѣстѣ взятое, наряду съ сильно развитымъ національнымъ сознаніемъ, самоотверженіемъ народа, терпѣливо переносящаго тяжкія матеріальныя лишенія во имя великодержавія страны и манящаго призрака панъ-азіатской идеи, съ главенствомъ Японіи, — создало японскій имперіализмъ, въ которомъ переплетаются мотивы стихійные и преодолимые, подлинная необходимость удовлетворенія насущныхъ нуждъ народныхъ и шовинизмъ водителей молодого, недавно выступившаго на міровую арену народа. Имперіализмъ, который, встрѣчая естественное противодѣйствіе, привелъ за послѣдніе годы почти къ полной изоляціи Японіи.

Проблема японскаго перенаселенія, можно сказать, не получила еще вовсе разрѣшенія. Тяга на востокъ къ материкамъ Америки и Австраліи встрѣтила рѣшительное, подчасъ глубоко обидное для японскаго національнаго чувства и расоваго самосознанія сопротивленіе. Размѣры миграціи на сѣверѣ ничтожны, вслѣдствіе причинъ климатическихъ и вообще природныхъ условій. Такъ, за 27 лѣтъ обладанія южнымъ Сахалиномъ, Японія перебросила туда всего 120 тыс., изъ которыхъ только часть осѣла. Столь же неблагопріятны для японской миграціи просторы Приамурскаго края.

Не разрѣшило вопроса до настоящаго времени и вселеніе въ Манчжурію, которое, кромѣ, хотя и лучшихъ, но также не вполнѣ привычныхъ для японцевъ природныхъ условій, встрѣчало еще сильное сопротивленіе китайцевъ, не допускающихъ до сей поры земельнаго владѣнія иностранцевъ. Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ недостаткомъ колонизаторскихъ способностей у японцевъ, привело къ тому, что къ 30-му году, т.-е. за четверть вѣка со времени выхода японцевъ на материкъ, въ южной Манчжуріи, находящейся въ японскомъ управленіи, осѣло 180 тысячъ японцевъ, по преимуществу купцовъ, промышленниковъ, чиновниковъ, а во всей Манчжуріи, по оффиціальнымъ подсчетамъ, имѣется одинъ милліонъ японскихъ подданныхъ, изъ которыхъ около 800 тыс. корейцевъ — элемента, въ большинствѣ своемъ, враждебнаго японцамъ и стре-

мящагося перейти въ китайское подданство. Въ Корею переселилось за четверть вѣка немногимъ болѣе 400-хъ тысячъ.

Совершенно исключена возможность переселенія въ центральный Китай, гдѣ скученность населенія весьма велика, въ особенности въ провинціяхъ, прилегающихъ къ Тихому океану (Кіанъ-Су — 875 чел. на кв. милю, Шантунгъ — 552).

И потому, затаенныя, завѣтныя устремленія японской націи обращены на югъ, въ сторону азіатскаго архипелага, находящагося во владѣніи Америки и Голландіи, отчасти — Англіи и, въ ничтожной долѣ, — Португаліи. Туда — въ богатѣйшую страну тепла и риса, населенную аборигенами, мало культурными, со средней плотностью населенія, не превосходящей 55 чел. на кв. м.; страну, которая, по своему географическому положенію, какъ продолженіе архипелага Японскаго, замкнула бы кругъ господства надъ всѣми океанскими путями къ берегамъ восточной Азіи.

Такимъ образомъ, перенаселеніе островной Японіи является только однимъ изъ звеньевъ въ сочетаніи интересовъ экономическихъ, политическихъ и стратегическихъ, совокупностью которыхъ только и можно объяснить масштабы и размахъ японской экспансіи.

3.

Первыми на южномъ пути стоятъ Филиппины, и это обстоятельство, въ связи съ острой борьбой за китайскіе рынки, создало тѣ напряженныя отношенія между Японіей и Америкой, которыя врядъ ли могутъ быть разрѣшены путемъ бумажныхъ нотъ и словопреній.

Какія же перспективы сулитъ грядущее столкновеніе?

Наши военные авторитеты приходятъ къ заключенію, что:

1. Американскій флотъ, не взирая на большій коэффиціентъ своего состава (5 противъ 3-хъ), вслѣдствіе большого удаленія своихъ основныхъ морскихъ базъ

и другихъ причинъ техническаго и организаціоннаго характера, — даже и при содѣйствіи части англійскаго, — не можетъ разсчитывать на скорую и рѣшительную побѣду надъ японскимъ флотомъ въ линейномъ бою.

2. Японія можетъ безъ большого труда овладѣть Филиппинами въ началѣ войны.

3. Только тѣсная и длительная блокада можетъ вызвать окончательное пораженіе Японіи.

Если первое положеніе является спорнымъ, то значеніе блокады для Японіи во всѣхъ случаяхъ огромно. Однако, перерывъ даже всѣхъ морскихъ путей, создавъ, безъ сомнѣнія, большія затрудненія, не могъ бы парализовать жизнедѣятельность страны и вооруженную борьбу, при наличіи свободнаго притока съ континента — изъ Китая, Манчжуріи и Россіи — предметовъ питанія и сырья, необходимыхъ для жизни и войны.

Отсюда — еще одна побудительная причина, объясняющая послѣдовательное, необыкновенно настойчивое стремленіе Японіи къ прочному обоснованію на континентѣ, къ превращенію Японскаго моря въ море внутреннее. Стремленіе, встрѣтившееся въ послѣдніе годы столь же настойчивое противодѣйствіе Америки, и рѣшеніе ея приступить къ немедленному усиленію своего военнаго флота — п о к а до полной нормы, допускаемой Вашингтонскимъ соглашеніемъ.

Впервые твердою ногою Японія стала на континентѣ въ 1905 году, получивъ въ обладаніе Корею, Ляодунскій полуостровъ и концессіонныя территоріи южной манчжурской жел. дор.

Ироніа судьбы! Кромѣ политической и матеріальной поддержки своей тогдашней союзницы — Англіи, въ борьбѣ противъ Россіи и за утвержденіе на материкѣ, Японія нашла полное сочувствіе именно въ Америкѣ... На ея сторонѣ были руководители американской политики и большая часть прессы; посѣтившій тогда Нью-Іоркъ японскій принцъ Фушими былъ принятъ тамъ весьма привѣтливо и получилъ завѣренія, что «Соединенные Штаты имѣютъ общіе, не только коммерческіе, но и политическіе интересы». Я п о н і я в с т у п а л а в ъ в о й н у с ъ н а м и, в ъ к а ч е с т в ѣ

«защитницы» англо-американскихъ и... китайскихъ интересовъ...

Еще въ началѣ мирныхъ переговоровъ въ Портсмутѣ симпатіи президента Рузвельта были на сторонѣ Японіи; онъ обвинялъ русскаго чрезвычайнаго посла Витте въ «неуступчивости» и, помимо него, сносясь съ императоромъ Николаемъ II, давалъ совѣты — сговариваться на неумѣренныя притязанія Японіи. Но въ это время совершился уже поворотъ въ общественномъ мнѣніи страны, заставившій и президента перемѣнить тактику: послѣдняя его телеграмма, адресованная микадо, говорила о перемѣнѣ настроенія американцевъ въ пользу Россіи и о томъ, что, въ случаѣ непринятія русскихъ условій, Японія не встрѣтитъ болѣе въ американскомъ народѣ прежней поддержки.

Такое отношеніе, вызванное осознанной американской націей, послѣ выясненія результатовъ японо-русской войны, угрозы своимъ интересамъ на востокѣ Азіи, съ тѣхъ поръ не измѣнялось.

4.

Попытки Японіи утвердиться на побережьѣ центральнаго Китая, встрѣчая болѣе сложное переплетеніе коммерческихъ интересовъ европейскихъ державъ и Америки, и ихъ противодѣйствіе, успѣха не имѣли. Японія, вмѣсто лобовой атаки, начала обходъ: съ огромной широтой размаха, не останавливаясь передъ рискомъ захлебнуться въ бушующей тамъ стихіи, наоборотъ, раздувая ее всѣми способами, она бросила въ Китай капиталъ, купца и промышленника. Вложеніе японскихъ капиталовъ въ Китай въ 30 году выразилось суммою въ 2 1/2 милліарда іенъ; въ рукахъ Японіи — болѣе четверти всего внѣшняго оборота Китая; она владѣетъ или контролируетъ отъ одной четверти до двухъ третей угольныхъ предпріятій и большинствомъ желѣзо-рудныхъ, вывозя четыре пятыхъ руды; она владѣетъ почти третью всѣхъ хлопчато-бумажныхъ фаб-

рикъ Китая; до послѣдняго времени Японія выбрасывала въ Китай 46% своего экспорта и т. д., и т. д.

Сочетая интересы экономическіе со стратегическими, Японія, путемъ займовъ, аренды или концессій, принимаетъ огромное участіе въ китайскомъ жел.-дор строительствѣ, проводя и проектируя линіи къ источникамъ своего питанія и своей торговли, къ плодоноснымъ и промышленнымъ районамъ, подготовляя пути обхода съ суши «открытыхъ дверей», — на пространствѣ отъ Тянь-Тзина до Гонконга, проникая желѣзными путями въ направленіяхъ во внутреннюю Монголію и въ Россію, связывая сѣть Манчжурскихъ дорогъ съ Кореей и Ляодуномъ — своими континентальными базами.

То преимущественное вниманіе, которое отдано было при этомъ Манчжуріи, поглотившей болѣе двухъ третей всего вложенія японскихъ капиталовъ, опредѣляетъ послѣдовательность историческихъ задачъ, поставленныхъ японской экспансіей, и преимущественную заинтересованность въ прочномъ овладѣніи этой страной, богатой плодоносными свободными землями, углемъ, желѣзной рудой и другими минералами. Въ данное время вся хозяйственная жизнь Манчжуріи — кредитъ, торговля, промышленность, транспортъ — находится по преимуществу въ рукахъ японцевъ.

И когда предварительная подготовка была закончена, для закрѣпленія «мирнаго проникновенія» въ сѣверную Манчжурію въ сентябрѣ 31 года были введены войска генерала Хонджо, доведенныя послѣдовательно до 5-ти дивизій. Послѣ боевъ съ силами маршала Чангъ-Сю-Ляна и китайскими партизанами, японскія войска заняли Кинъ-Чжоу, отрѣзавъ сообщенія трехъ манчжурскихъ провинцій отъ центральнаго Китая, продвинувшись къ Цицикару, Харбину и Имяпо.

Моментъ для выполненія этой задачи былъ выбранъ весьма удачно: отсутствіе Россіи, всеобщій экономическій кризисъ ,весьма сложное внутреннее и внѣшнее положеніе Англіи, наконецъ, та духовная депрессія, которой придавлены побѣдители въ великой войнѣ не менѣе, чѣмъ побѣжденные, и которая вызываетъ въ массахъ чувство страха передъ новой войной и ея по-

слѣдствіями. Въ результатѣ, сдержанный протестъ Америки, съ напоминаніемъ о статьяхъ Вашингтонской конференціи, оберегающихъ цѣлость Россіи и Китая, и безплодныя усилія Лиги Націй, направленныя не столько къ улаженію конфликта, сколько къ сокрытію своего слишкомъ явнаго безсилія.

Японія фактически оккупировала Манчжурію и изъ нея не уйдетъ. Не можетъ уйти безъ потрясенія своего политическаго и экономическаго бытія, безъ катастрофы. «Сейчасъ народныя массы только рукоплещутъ успѣхамъ нашей арміи въ Манчжуріи... — говорилъ военный министръ, генералъ Араки, на засѣданіи кабинета министровъ. — Но мы должны с е р ь е з н о и н а в с е г д а разрѣшить вопросъ въ сѣверномъ Китаѣ, а для этого нужны не рукоплесканія. Нужно, чтобы вся нація единодушно, какъ одинъ человѣкъ, участвовала въ этой нашей исторической задачѣ».

Если ясна планомѣрность захвата японцами Манчжуріи и подготовка диверсіи въ сторону внутренней Монголіи, гдѣ заинтересованность третьихъ державъ, кромѣ Россіи, менѣе велика, то трудно объяснимымъ является вторженіе ихъ въ центральный Китай, въ особенности Шанхайская операція. Вѣдь бойкотъ китайцами японскихъ товаровъ, охватившій в с ю страну, конечно, не могъ быть прекращенъ диверсіей въ Шанхай, хотя и близкій къ столицѣ Нанкинскаго правительства. И пока не освоена Манчжурія, гдѣ положеніе далеко еще не опредѣлилось, приступать къ выполненію слѣдующей исторической задачи теперь же, бросая вызовъ могущественнымъ конкуррентамъ, врядъ ли входило въ намѣренія рѣшительной, но вмѣстѣ и осторожной, японской политики. Скорѣе можно думать, что военная партія Японіи или даже просто болѣе экспансивные ея представители, по собственной иниціативѣ, зарвались и... просчитались. Зарвались подъ впечатлѣніемъ экономическаго бойкота, вызвавшаго пріостановку или закрытіе множества японскихъ предпріятій, уменьшеніе почти вдвое противъ 29 года торговаго оборота, паденіе курса іены, дошедшей до 30 долларовъ за 100, вмѣсто 50 по паритету, дефицитный бюджетъ

и вообще разстройство всей государственной экономики. И, съ другой стороны, — подъ вліяніемъ тѣхъ оскорбленій и издѣвательствъ, которымъ подвергались японскій флагъ и японскіе резиденты въ мѣстностяхъ Китая, на которыя не распространялось воздѣйствіе вооруженной силы. Наконецъ, въ самомъ Шанхаѣ и японскіе интересы, и численность японскихъ резидентовъ весьма велики.

Просчитались, — во-первыхъ, въ слишкомъ низкой оцѣнкѣ своего противника: экспедиція потребовала расходовъ въ десятки милліоновъ, потребовала посылки 4-хъ дивизій, — силъ немногимъ меньшихъ, чѣмъ китайскія у Шанхая; и имѣла слѣдствіемъ, въ политическомъ отношеніи — рядъ новыхъ осложненій для Японіи, въ военномъ — подъемъ духа китайскихъ націоналистовъ и войскъ. Она показала, что «китайскія банды», при извѣстныхъ условіяхъ, представляютъ нѣкоторую силу не только въ партизанскихъ набѣгахъ, но и въ линейномъ бою. Обстоятельство чреватое послѣдствіями.

Просчитались и еще въ одномъ отношеніи... Въ одномъ докладѣ, датированномъ 27 годомъ, приведена довѣрительная бесѣда съ видным японскимъ дѣятелемъ, относящаяся къ 1925 году. Онъ говорилъ:

«На востокѣ, въ частности въ Китаѣ, наростаютъ очень крупныя событія, въ размѣрахъ и значеніи которыхъ Европа не отдаетъ себѣ отчета. По цѣлому ряду причинъ, для насъ, для японцевъ, на-руку смута въ Китаѣ. Намъ выгодно, чтобы она дошла до предѣла, грозящаго полнымъ крушеніемъ экономическихъ интересовъ державъ въ Китаѣ. Эти интересы настолько велики, что для ихъ сохраненія великія державы будутъ, въ концѣ концовъ, вынуждены обратиться къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Но что онѣ могутъ сдѣлать!? Теперь міровая обстановка не та, которая была въ періодъ боксерскаго возстанія... Ни Англія, ни Соединенные Штаты, ни Франція теперь не рѣшатся на войну съ Китаемъ. Въ крайнемъ случаѣ, эти державы ограничатся морской демонстраціей и, можетъ быть, занятіемъ десантами одного или двухъ пунктовъ. Но это-

го не достаточно. Чтобы не потерять окончательно источниковъ своего обогащенія въ Китаѣ, они принуждены будутъ обратиться за помощью къ Японіи, которая одна въ состояніи установить порядокъ въ Китаѣ. Когда этотъ моментъ наступитъ, Японія, конечно, выговоритъ себѣ такія условія, при которыхъ ей будутъ вполнѣ обезпечены гегемонія во всей Манчжуріи и ея экономическіе интересы, связанные съ побережьемъ русскаго Приморья».

Японія желала получить легальный «мандатъ» на усмиреніе Китая, а неосторожные ея представители, не дождавшись, произвели показательный опытъ, который въ основѣ своей цѣли не достигъ: встрѣченное по началу довольно сочувственно частью англійской и французской прессы, отражающей частные интересы торгово-промышленныхъ круговъ, выступленіе Японіи вызвало протестъ Америки, къ которому, въ той или иной формѣ, присоединились и другія державы, полагая опаснымъ для себя единоличное проникновеніе японской силы въ «открытыя двери» — къ богатѣйшему и безпризорному «китайскому наслѣдству».

Впрочемъ, занятіе Шанхайскаго района имѣло и положительныя для Японіи послѣдствія: оно отвлекло напряженное вниманіе заинтересованныхъ державъ отъ Манчжуріи и создало нѣкую «дополнительную цѣнность», которую можно скинуть со счетовъ въ торгѣ за обладаніе Манчжуріей.

Ошибочность «шанхайскаго эпизода» была воспринята въ Токіо настолько серьезно, что ни продолжающееся по существу состояніе войны между Китаемъ и Японіей, ни шанхайская бомба не помѣшали началу эвакуаціи Шанхая японскими войсками.

Вотъ въ самыхъ краткихъ чертахъ та внѣшняя обстановка, въ которой разрѣшается на Дальнемъ Востокѣ русскій вопросъ, по несчастью, не имѣющій самодовлѣющаго значенія, создаваемаго мощью великой державы, а попавшій въ полную зависимость отъ путей и исхода загорающейся борьбы.

Борьбы расъ за господство на востокѣ Азіи и въ Тихомъ океанѣ.

5.

Оккупація японцами Манчжуріи, ударивъ по Китаю и по торговымъ интересамъ нѣкоторыхъ державъ, явилась прямой угрозой русскому Дальнему Востоку. Краю — богатому золотомъ, желѣзомъ ,углемъ и другими минералами, пушниной, лѣсомъ и рыбой, — всѣмъ тѣмъ, что не хватаетъ Японіи; краю — своими выходами къ океану препятствующему японцамъ закрыть наглухо всѣ входы въ Японское и Охотское моря.

За послѣднюю четверть вѣка Манчжурія покрылась сѣтью новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Японская ж. д. политика, кромѣ чисто коммерческихъ цѣлей, преслѣдовала одновременно и другія: борьбу съ китайскимъ строительствомъ, конкуррирующимъ съ Дайреномъ путемъ отвлеченія грузовъ ко вновь строящемуся порту Хулудао, подрывъ Кит.-Вост. ж. д. путемъ постройки параллельныхъ линій и подъѣздныхъ путей и, наконецъ, оборудованіе Манчжуріи, какъ обширнаго плацдарма, для сосредоточенія и развертыванія своихъ армій по операціоннымъ путямъ въ сторону Монголіи, Забайкалья, Амура и Приморья.

Прежде всего, японцы связали южно-манчжурскія желѣзныя дороги съ линіями Кореи, идущими вдоль обоихъ береговъ ея, чѣмъ значительно облегчилась переброска войскъ изъ метрополіи на материкъ; затѣмъ, сочетая интересы экономическіе со стратегическими, рядомъ желѣзныхъ путей подошли къ Цицикару, пододвинулись противъ Хайлара и Владивостока, подвигаются тремя новыми линіями къ Харбину и Имяпо, — къ Китайской восточной магистрали. Отсюда проектированы линіи отъ Хайлара въ направленіи на Нерчинскъ, строятся и уже на треть построены двѣ линіи отъ Цицикара и Харбина на Благовѣщенскъ, и проектирована линія отъ Имяпо вдоль Сунгари въ направленіи Хабаровска.

Этимъ начертаніемъ желѣзно-дорожной сѣти предуказаны планы к о л о н и з а ц і и и в о й н ы, ибо малонаселенная Сибирь, к а к ъ р ы н о к ъ, серьезнаго

значенія для Японіи имѣть не можетъ. А выдвиженіемъ передовыхъ войскъ генерала Хонджо къ Цицикару — Харбину — Имянно и въ сѣверо-восточный уголъ Кореи, къ Посьету, — выдвиженіемъ, въ которомъ такъ странно совпала надобность въ усмиреніи непокорныхъ манчжурскихъ генераловъ и партизанъ со стратегической важностью узловъ и направленій, намѣчается реально и исходное положеніе японской арміи, въ случаѣ столкновенія съ сѣвернымъ сосѣдомъ.

И передъ нами, со всей жгучей силой, встаетъ вопросъ о той роли, которую будетъ играть Японія въ б л и ж а й ш и х ъ судьбахъ нашей Родины. Вопросъ, къ которому намъ надо подходить не съ отчаяніемъ разбитыхъ надеждъ прошлаго, не съ фантастикой досужаго прожектерства, не съ предвзятостью японофильства или японофобства и не съ пророчествами, а съ холоднымъ учетомъ тѣхъ возможностей и тѣхъ реальныхъ данныхъ, которыя доступны нашему изученію. Вопросъ — тѣмъ болѣе сложный, что и въ самой Японіи мѣняющіяся у кормила власти партіи минсейто и сейюкай и обособленная «военная группа», если и одинаково оцѣниваютъ историческую миссію японскаго народа, то весьма расходятся въ методахъ и срокахъ ея выполненія и завершенія. Какія же задачи текущаго момента ставитъ передъ собой Японія?

1. Считаетъ ли она опаснымъ препятствіемъ для своего великодержавія на востокѣ Азіи не только совѣтскую власть, но и Россію?

2. Учитывая нежеланіе совѣтовъ воевать, тяжкое свое финансовое положеніе, политическую изолированность, возможность столкновенія съ Америкой и неопредѣленность положенія въ Манчжуріи, не постарается ли она добиться отъ совѣтской власти ея доброжелательнаго нейтралитета, своего мирнаго экономическаго проникновенія въ Приамурскій край и свободнаго транзита?

3. Или, сознавая грозную опасность для своего положенія на материкѣ отъ большевистскаго вліянія, полонившаго Монголію, распространяющагося въ Манчжуріи и Китаѣ и находящаго откликъ въ ихъ собствен-

ной странѣ, — они объявятъ войну Совѣтамъ и большевизму?

4. Или же, наконецъ, презрѣвъ всѣ опасности и препятствія, презрѣвъ Вашингтонское соглашеніе и будущій реваншъ, Японія пойдетъ войною противъ совѣтской власти и противъ Россіи, съ цѣлью овладѣнія Приморьемъ, Сахалиномъ и Камчаткой, а, можетъ быть, для вящшаго ихъ обезпеченія, и всѣмъ Дальнимъ Востокомъ, включительно до Байкальскихъ воротъ?

На эти волнующіе вопросы прямого отвѣта текущая дѣйствительность пока не даетъ. Приходится базироваться на косвенныхъ данныхъ и на прецедентахъ прошлаго.

Портсмутскій договоръ внесъ умиротвореніе въ русско-японскія отношенія не сразу. Еще въ 1907 г.*) эти отношенія настолько обострились, благодаря неумѣреннымъ требованіямъ японцевъ, что побудили нашего министра иностранныхъ дѣлъ, Извольскаго, задать японскому послу вопросъ:

— Что же, неужели вы хотите войны?

— Войны не будетъ, — отвѣтилъ японскій посолъ, — Россія не можетъ воевать, но мы прибѣгнемъ къ репрессаліямъ...

Подъ «репрессаліями» въ нашемъ министерствѣ разумѣли захватъ сѣвернаго Сахалина или Владивостока... Русскій посолъ въ Вашингтонѣ, по повелѣнію Государя, обратился тогда къ президенту С. Ш. и получилъ отъ него завѣреніе, что, по мнѣнію его, президента, интересы Штатовъ были бы въ такомъ случаѣ настолько задѣты, что не исключено и вооруженное вмѣшательство...

Весьма вѣроятно, что позиція Америки стала извѣстна въ Токіо и побудила японцевъ къ умѣренности.

Въ дальнѣйшемъ, однако, усиліями русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Извольскаго и японскаго посла бар. Мотоно русско-японскія отношенія приняли теченіе вполнѣ миролюбивое. Конвенціей 1910 года

*) Въ своемъ сообщеніи, на основаніи неправильной информаціи, я отнесъ этотъ эпизодъ къ 1910 году.

обѣ стороны обязывались поддерживать «статусъ кво» въ Манчжуріи и «воздерживаться отъ всякаго взаимнаго соперничества» въ манчжурскомъ желѣзно-дорожномъ строительствѣ. А конвенція 1916 года предусматривала соглашеніе относительно совмѣстныхъ мѣръ, которыя должны быть приняты «въ случаѣ, если территоріальныя права или спеціальные интересы на Дальнемъ Востокѣ одной изъ высокихъ договаривающихся сторонъ... будутъ угрожаемы».

Такимъ образомъ, при наличіи такого рода конвенціи, союза съ Англіей и договорныхъ отношеній съ Франціей, позиція, занятая Японіей во время міровой войны, была вполнѣ естественной. Мы отдаемъ должное дружественному отношенію Японіи къ Россіи въ этотъ трудный моментъ ея исторіи. Но не забываемъ, что и интересы обѣихъ имперій въ данномъ случаѣ вполнѣ совпадали. Тѣмъ болѣе, что территоріальный ущербъ Россіи неизбѣжно вызвалъ бы вмѣшательство Америки, а Шантунгъ представлялся призомъ легкимъ и чрезвычайно цѣннымъ.

Пришелъ большевистскій переворотъ. Во время переговоровъ съ Вашингтономъ о созданіи восточнаго фронта, Японія, въ качествѣ компенсаціи за вооруженное выступленіе, претендовала на сѣверную часть Сахалина, на исключительное право эксплоатаціи нѣдръ и лѣсовъ Приамурскаго края, на безвозбранное право рыбныхъ ловель въ русскихъ водахъ восточнаго побережья и на разрушеніе укрѣпленій Владивостока, который предлагалось обратить въ вольную гавань. Однако, подъ давленіемъ Америки, совмѣстное выступленіе обѣихъ державъ, ограниченное почти исключительно задачей помощи чехословакамъ, состоялось безъ всякихъ условій, причемъ, японское правительство обязалось «послѣ выполненія упомянутой выше цѣли немедленно вывести всѣ японскія войска съ русской территоріи и оставить совершенно неприкосновеннымъ суверенитетъ Россіи во всѣхъ его видахъ, — какъ политическихъ, такъ и военныхъ».

Пребываніе японскихъ силъ на территоріи Бѣлаго Востока, о чемъ многое можно было бы сказать, какъ

извѣстно, не прибавило въ русскихъ людяхъ довѣрія къ японской политикѣ.

Въ 20 году, послѣ паденія Восточнаго бѣлаго фронта, весь Приамурскій край былъ оккупированъ японцами. Послѣ трагическихъ событій въ Николаевскѣ на Амурѣ, гдѣ опытъ сотрудничества японцевъ съ большевиками окончился разрушеніемъ послѣдними города, звѣрскимъ убійствомъ 7 тысячъ жителей, а также всего состава японскаго гарнизона и японской колоніи, числомъ въ 700 человѣкъ, японцы заняли сѣверный Сахалинъ. Въ декларацiи по этому поводу японскаго правительства говорилось, что «этотъ прискорбный случай» обязываетъ правительство «поддержать въ полной мѣрѣ престижъ японской имперіи, ставя въ необходимость занять извѣстные пункты Сахалинской области впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла съ какимъ-нибудь будущимъ русскимъ законнымъ правительствомъ». Только одна Америка вновь заявила протестъ, на который Японія отвѣтила увѣреніемъ, что Сахалинъ оккупированъ лишь временно, въ качествѣ «территоріальнаго залога»...

Однако, мѣропріятія японцевъ съ первыхъ же шаговъ свидѣтельствовали, что островъ этотъ, съ лежащими въ нѣдрахъ сѣверной его части громадными запасами угля и нефти, изобилующій лѣсомъ и рыбными промыслами, рѣшили они занять надолго... Правительство ассигновало 33 милліона іенъ на оккупацію сѣверной части острова и затратило сотни милліоновъ на эксплоатацію его, устройство путей сообщенія и техническихъ сооруженій. На островѣ введено было японское гражданское управленіе, всѣ предпріятія взяты подъ правительственный контроль, тысячъ 20 русскихъ выселено, или выселилось въ Приморье, а оставшіеся могли находить средства къ существованію только въ качествѣ рабочей силы.

Въ теченіе семи лѣтъ (18 — 24 годы) Японія не признавала совѣтскаго правительства законной властью Россіи. Однако, когда въ 22 году совѣтскому представителю Іоффе удалось попасть въ Токіо, и онъ, отъ имени совѣтовъ, предложилъ японскому правительст-

ву продать Японіи русскую часть Сахалина, послѣднее охотно вступило въ переговоры. Іоффе запросилъ милліардъ іенъ, японцы давали только 150 милліоновъ. Торгъ, а главное — признаніе, не состоялись.

Въ томъ же году, подъ давленіемъ Америки на Вашингтонской конференціи, и тяготы огромныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ оккупаціей, Японія оставила Приморье. А еще черезъ четыре года тяжелое финансовое и экономическое положеніе, въ особенности послѣ землетрясенія 23 года, усилившаяся смута въ Китаѣ, вслѣдствіе начавшейся борьбы между Сѣверомъ и Югомъ, поддержаннымъ Совѣтами, наконецъ, соблазнъ, впослѣдствіи неоправдавшійся, открытія для японской торговли сибирскихъ рынковъ, — все это толкнуло Японію на признаніе совѣтской власти. Совѣтской Россіи былъ возвращенъ сѣверный Сахалинъ и доля участія въ Китайско-Восточной желѣзной дорогѣ, которой до того владѣлъ Чанъ-Цзо-Линъ и стоявшая за его спиной Японія, — взамѣнъ за реальныя блага, — въ видѣ концессій и рыболовной конвенціи, и ирреальныя, — въ видѣ доброжелательнаго нейтралитета Совѣтовъ.

Этотъ «бракъ не по любви, а изъ разсчета», ознаменованный и тѣснымъ содружествомъ, какъ въ 29 году, когда японцы оказали существенную помощь Совѣтамъ въ ихъ столкновеніи съ Мукденскимъ правительствомъ, и серьезными «размолвками» послѣдняго времени, — длится и по сей день.

6.

При изученіи возможныхъ перспективъ японской экспансіи, нельзя оставить безъ вниманія и такъ называемое «завѣщаніе Танаки» — докладъ бывшаго премьера и главы партіи сейюкай императору въ іюлѣ 27 г., докладъ, явившійся результатомъ работы особой комиссіи. Японцы утверждаютъ, что это—апокрифъ... Но всѣ основныя положенія доклада соотвѣтствуютъ умонастроенію народа и его водителей, а, главное, осуществляются въ жизни.

Въ части, касающейся Россіи, докладъ говоритъ:

«Если Восточно-Китайская жел. дор., принадлежащая совѣтской Россіи, будетъ развиваться..., то наша новая континентальная политика получитъ ударъ, и это вызоветъ въ ближайшемъ будущемъ неминуемый конфликтъ съ Совѣтской Россіей... Восточно-Китайская жел. дор. станетъ нашей, и мы захватимъ Гиринъ такъ же, какъ мы захватили Дайренъ. Въ программу нашего національнаго роста входитъ, повидимому, необходимость вновь скрестить наши мечи съ Россіей на поляхъ Монголіи, въ цѣляхъ овладѣнія богатствами сѣверной Манчжуріи»... Въ другомъ мѣстѣ говорится о «неизбѣжности войны съ Россіей на поляхъ Манчжуріи»... «Южно-Манчжурская дорога была построена, главнымъ образомъ, для экономическихъ цѣлей... Отнынѣ мы должны преслѣдовать военныя цѣли, чтобы, съ одной стороны, сорвать военное, политическое и экономическое развитіе Китая, а, съ другой, — задержать проникновеніе русскаго вліянія»... Говорится далѣе о необходимости постройки въ Манчжуріи системы желѣзныхъ дорогъ, которыя способствовали бы наступленію въ Сибирь и угрожали тылу Россіи, «лишая ее возможности подвозить подкрѣпленія въ сѣв. Манчжурію», и о роли Гиринъ-Хайренской дороги, долженствующей «разорить Владивостокъ».

Всѣ эти частныя задачи составляютъ маленькую часть общаго грандіознаго плана, который словами доклада Танаки намѣчается такъ:

«Согласно завѣту Мейджи, нашъ первый шагъ долженъ былъ заключаться въ завоеваніи Формозы, а второй — въ аннексіи Кореи. Теперь долженъ быть сдѣланъ третій шагъ, заключающійся въ завоеваніи Манчжуріи, Монголіи и Китая. Когда это будетъ сдѣлано, у нашихъ ногъ будетъ вся остальная Азія. Раса Ямато сможетъ тогда перейти къ завоеванію Міра». А такъ какъ поперекъ пути къ завладѣнію Китаемъ встали Соединенные Штаты, то «мы должны будемъ сокрушить ихъ».

На «четвертомъ шагѣ» можно пока не останавливаться. Времени впереди еще достаточно. Что же касается «третьяго шага», въ его русскомъ преломленіи,

то, если вѣрить подлинности доклада Танаки, предположенія Японіи для даннаго момента не идутъ дальше захвата Китайско-Восточной дороги и активной борьбы за обладаніе Манчжуріей и Монголіей, въ твердой увѣренности, что совѣты не потерпятъ умаленія тамъ своихъ интересовъ.

Въ конечномъ результатѣ, рядъ фактовъ, эпизодовъ, впечатлѣній, доступная намъ оцѣнка настроеній японскихъ политическихъ партій и рожденій народныхъ — свидѣтельствуютъ о томъ, какъ послѣ большевистскаго переворота переплелось тамъ въ порочномъ кругѣ ущемленіе интересовъ совѣтскихъ и русскихъ. И это обстоятельство даетъ намъ основаніе желать большей ясности въ отношеніяхъ нынѣшней Японіи къ будущей Россіи.

7.

Но если есть «завѣщаніе Танаки», то существуетъ также «завѣщаніе Сунъ-Ятъ-Сена» — апостола китайскаго національ-соціализма... Въ немъ начертана грандіозная программа экономическаго подъема Китая, которую предлагается осуществить иностранному капиталу, съ обѣщаніемъ ему неслыханныхъ выгодъ. Въ этой программѣ намѣчена, между прочимъ, постройка жел.-дор. линій, прорѣзающихъ нынѣ дикіе и пустынные просторы Монголіи, Китайскаго Туркестана и Тибета. Семь изъ этихъ линій направлены къ великому Сибирскому пути на Хайларъ, Читу, Кяхту, Минусинскъ, Бійскъ и въ русскій Туркестанъ. Цѣль ихъ послужить къ объединенію націи, по нимъ же должны двинуться сотни милліоновъ переселенцевъ и, прежде всего, милліонъ людей «демобилизованной арміи»...

Все это пока — призраки, устрашающіе драконы на желтыхъ знаменахъ, но они характерны, какъ показатели умонастроенія новой китайской интеллигенціи. И уже не призраки — тѣ людскія волны, тѣ милліоны китайцевъ, которые текутъ и текутъ съ дальняго юга на сѣверъ Манчжуріи, клиномъ врѣзающейся въ наши

владѣнія, грозя затопить беззащитный и пустынный Амурскій край и отрѣзать насъ отъ океана. Они текутъ и будутъ течь и при японцахъ, и безъ нихъ. Они несутъ съ собою ненависть къ иностранцамъ и своеобразный большевизмъ, привнесенный Совѣтами и преломленный сквозь проснувшееся національное чувство. Тотъ китайскій большевизмъ, который, можетъ быть, страшнѣе московскаго...

Но, вѣдь, этотъ большевизмъ питается не только внутренними причинами и не только совѣтской пропагандой, но еще, въ большей мѣрѣ, иностранной эксплоатаціей и иностраннымъ нашествіемъ, которое толкаетъ Китай въ объятія Совѣтовъ. Пришельцы сѣяли и сѣютъ смуту, углубляя внутренній распадъ страны — политикой, деньгами, оружіемъ и открытой силой; помогая одновременно и сѣверянамъ, и южанамъ; снабжая оружіемъ и тѣхъ, и другихъ; создавая власть и вліяніе гоминтангу и руша его; выдвигая на правящія высоты своихъ сателитовъ и устраняя или убивая тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно пріобрѣли авторитетъ и проявили стремленіе къ объединенію и устроенію страны.

Вотъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя побудили меня въ самомъ началѣ событій предостеречь своихъ соратниковъ:

— Въ японо-китайскомъ конфликтѣ русское зарубежное воинство, на чьей бы сторонѣ не были его личныя симпатіи, не должно участвовать. Потому что интересы обѣихъ сторонъ чужды россійскимъ. Потому, что надо беречь русскую кровь. И только непосредственная угроза большевистской расправы — совѣтскими или китайскими руками — можетъ создать необходимость для него взяться за оружіе.

По человѣчеству вполнѣ понятны чувства нашихъ соотечественниковъ, заброшенныхъ судьбою въ Манчжурію и обреченныхъ на произволъ, безправіе, постоянныя опасенія за жизнь свою и своихъ близкихъ, — когда передъ ними открываются перспективы сноснаго человѣческаго существованія... Но эти радостныя привѣтствія многими и многими русскими людьми вступав-

шихъ въ города японскихъ войскъ, эти неумѣренные «ура» и «банзай»... Но это припаданіе нѣкоторыхъ къ стопамъ новаго «манчжуро-монгольскаго правительства», съ просьбами о принятіи въ подданство... При всѣхъ этихъ оказательствахъ, нашедшихъ сочувствіе или неосужденіе въ извѣстныхъ русскихъ парижскихъ кругахъ, можно говорить о чемъ угодно, только не о русскомъ достоинствѣ, не объ интересахъ Россіи...

8.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ возможностей, которыя можетъ создать дальне-восточный конфликтъ въ рамкахъ русскаго вопроса.

Предположимъ, что тѣ или другія причины побудятъ Японію выступить войною противъ Совѣтской Россіи. Каковы военныя перспективы такого столкновенія? Примѣръ русско-японской войны 1904 — 1905 г., конечно, не можетъ дать прямой аналогіи въ новой, безконечно видоизмѣнившейся обстановкѣ, но онъ даетъ отправныя данныя о напряженіи и трудностяхъ борьбы.

Россія начала войну съ тремя парами воинскихъ поѣздовъ сквознаго движенія по великому Сибирскому пути; путемъ напряженной дѣятельности эту провозоспособность удалось довести къ концу войны до 12-ти паръ поѣздовъ; за всю кампанію дорога перевезла около 1.200 тыс. воинскихъ чиновъ, и осенью 05 года на Сипингайскихъ позиціяхъ сосредоточилась 800 тыс. армія. Эта армія получала снабженіе изъ складовъ внутреннеи Россіи, а довольствіе почти исключительно изъ богатой Манчжуріи, отчасти Монголіи (мясо). Нынѣ совѣтская власть имѣетъ только 4 пары поѣздовъ, а потеря ею манчжурской базы возлагаетъ на полупарализованную дорогу подвозъ продовольствія не только для войскъ, но и для населенія Приамурскаго края, гдѣ еще до коллективизаціи не хватало своего хлѣба по низкой голодной нормѣ.

Изъ своихъ 70 пѣхотныхъ и 16 кавалерійскихъ ди-

визіи, совѣтское командованіе послѣдніе годы держало на Дальнемъ Востокѣ 7 пѣх. дивизій и 3 кав. бригады. О полномъ напряженіи страны т е о р е т и ч е с к и можно судить по примѣрамъ прошлаго: въ 1914 году Россійская императорская армія, послѣ мобилизаціи, выставила 5 милліоновъ; почти столько же было въ концѣ 20 года, передъ демобилизаціей въ красной арміи. Это составляетъ всего лишь 5 — 6% населенія страны.

Японія въ прошлой войнѣ выставила свыше 700 тысячъ, поднявъ 1,8% своего тогдашняго населенія. Въ мирное время она содержитъ нынѣ 17 дивизій и 4 кав. бригады. При мобилизаціи число дивизій удваивается (второочередными), и армія въ 34 дивизіи можетъ быть переброшена на материкъ, причемъ въ странѣ останется еще 21 дивизія болѣе поздней готовности — для усиленія фронта и, въ случаѣ надобности, для охраны страны.

Полное напряженіе японскаго народа профессоръ Головинъ опредѣляетъ въ 5 милліоновъ солдатъ, что составитъ около 9 процентовъ населенія. Такая тягота возможна, если вспомнить, что въ Великую войну Германія поставила подъ ружье 10 — 12 процентовъ своего населенія.

Въ рамки моего очерка не входитъ детальный и поневолѣ гадательный учетъ силъ. Тѣмъ болѣе, что международная обстановка и китайская смута могутъ отвлечь значительныя японскія силы на другіе фронты, точно также, какъ внутри-россійская обстановка, боязнь всеобщей мобилизаціи и опасное положеніе на западной границѣ, помимо всѣхъ прочихъ условій, ограничиваютъ до крайности и совѣтскія возможности. О переговорахъ по поводу одновременнаго выступленія западныхъ и восточныхъ сосѣдей Россіи уже проникаютъ свѣдѣнія въ печать...

И такъ, сильная духомъ японская армія, при наличіи транспортовъ огромнаго тоннажа и нѣсколькихъ желѣзно-дорожныхъ линій, можетъ сосредоточиться въ короткій срокъ въ Манчжуріи и оттуда двинуться по тремъ важнѣйшимъ операціоннымъ направленіямъ —

на Читу, Благовѣщенскъ и — съ суши и съ моря — на Владивостокъ. Движеніемъ на Читу, съ одновременнымъ перерывомъ единственной магистрали, связывающей Сибирь съ Приморьемъ — Амурской желѣзной дороги — идущей вдоль, и въ непосредственной близости къ манчжурской границѣ на протяженіи свыше 2 тысячъ верстъ, японцы могутъ отрѣзать весь Дальній Востокъ.

Учитывая это обстоятельство, большевики, насколько можно судить по совѣтской литературѣ, предполагали частью силъ удерживать Владивостокскій районъ, а главныя силы сосредоточить въ Забайкальѣ.

Въ сентябрѣ прошлаго года бѣжавшій изъ Владивостока служащій мобилизаціоннаго отдѣла принесъ извѣстіе, что всѣ части и учрежденія Владивостока и Никольска-Уссурійскаго получили распоряженіе спѣшно пересоставить мобилизаціонные планы на случай эвакуаціи. Перегруппировка, съ оттяжкой силъ къ Байкалу, очевидно, имѣла мѣсто, такъ какъ по даннымъ къ веснѣ 32 года — на Амурѣ и въ Приморьѣ осталось всего 2 дивизіи; въ Приморье перебрасываются авіаціонныя и другія техническія средства, а главныя силы красной арміи сосредотачиваются въ районѣ Чита — ст. Манчжурія.

Такимъ образомъ, еще до генеральнаго сраженія на Читинскомъ направленіи, Приморская область, часть Амурской, равно какъ Китайско-Восточная жел. дорога могутъ перейти почти безпрепятственно въ обладаніе японцевъ.

9.

Такая большевистская стратегія — въ той обстановкѣ, какую они сами создали своимъ безумнымъ управленіемъ, вполнѣ логична. Потерявъ сѣверную Манчжурію, какъ военно-хозяйственную базу, разрушивъ транспортъ, подорвавъ въ корнѣ финансово-экономическія силы страны, совѣтская власть главныя свои надежды возлагаетъ на время, пространство, на эконо-

мическій кризисъ въ Японіи, ея политическія затрудненія и на китайскую стихію, долженствующую залить тылъ наступающихъ японскихъ армій.

В р е м я , несомнѣнно, играетъ въ руку большевикамъ, а затрудненія японцевъ очевидно велики, если они въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ допускаютъ непрестанное увеличеніе красныхъ силъ въ Читинскомъ районѣ.

Не безосновательны надежды и на китайскую стихію...

Да, эту «стихію» нельзя сбрасывать со счетовъ... Оффиціальные китайскіе источники изъ года въ годъ показываютъ свѣдѣнія за 29 годъ, когда было, яко бы, подъ ружьемъ 1.600 тыс. солдатъ, сведенныхъ въ 130 пѣх. и 10 1/2 кав. дивизій. Сколько ихъ нынѣ, — не знаетъ толкомъ никто, ибо они состоятъ на службѣ и у центральнаго правительства, и у провинціальныхъ губернаторовъ, и у самостійныхъ генераловъ, ведущихъ междуусобную войну. Въ шести провинціяхъ центральнаго Китая, подверженныхъ совѣтскому вліянію, оперируетъ и «Красная армія», насчитывающая свыше 60 тыс. Составъ китайскихъ войскъ комплектуется путемъ вербовки и найма цѣлыхъ хунхузскихъ шаекъ. Въ разореніи страны междуусобной войной текучія китайскія арміи черпаютъ неистощимый источникъ своего комплектованія — бездомнымъ отчаяннымъ людомъ, которому терять нечего. Недостатка въ людяхъ нѣтъ, — очевидно ремесло солдатское небезвыгодно, хотя жалованье платятъ обычно около 4 таэлей, т.-е. около 30 франковъ въ мѣсяцъ.

Въ Китаѣ 5 арсеналовъ, а оружіе сборное — всѣхъ системъ и всѣхъ странъ, не взирая на то, что соглашеніемъ 1919 года державы, кромѣ совѣтской Россіи и Германіи, обязались не ввозить въ Китай оружія... За исключеніемъ немногихъ дивизій, имѣющихъ организацію и вооруженіе сходное съ европейскими арміями, остальныя очень бѣдны артиллеріей и пулеметами. Они понимаютъ лобовой ударъ и почти не знаютъ маневра. Ихъ начинаетъ завлекать націоналъ-большевизмъ, и объединяетъ идейно чувство ненависти къ иноземцамъ.

Въ началѣ этого года, впервые за все время китайской смуты, враждовавшіе между собою китайскіе генералы выступаютъ объединенными силами противъ японскаго вторженія.

Вступая въ бой съ иностранными арміями, китайскіе войска то разсыпаются при первой встрѣчѣ, какъ это было при столкновеніи съ совѣтской красной арміей или съ японцами въ сѣв. Манчжуріи, то оказываютъ неожиданную стойкость, какъ подъ Шанхаемъ. И всѣмъ своимъ обликомъ большая часть китайскихъ войскъ удивительно напоминаетъ русскую махновщину, которая неизмѣнно подавлялась, распылялась, но воскресала вновь, разстраивая тылъ и ослабляя фронтъ арміи Бѣлаго Юга.

Все это большевики учитываютъ и надѣются...

Надежды ихъ идутъ и дальше — въ сторону заатлантическаго соперника Японіи. Повидимому, нажимъ изъ Москвы былъ достаточно серьезенъ, если государственный департаментъ Соед. Штатовъ счелъ нужнымъ опровергнуть слухи, будто правительство намѣрено измѣнить свою политику въ отношеніи признанія совѣтской Россіи...

Америка и Совѣты! Такіе дикіе парадоксы выдвигаетъ на очередь запутанная до-нельзя современная международная обстановка.

10.

Что же дальше? Будетъ ли совѣтская власть защищать русскіе рубежи?

Никогда!

Сама постановка вопроса не правильна. С.С.С.Р. является наиболѣе милитаристической страной въ мірѣ; она несетъ совершенно непосильные расходы на вооруженіе; она непрестанно готовитъ красную армію; совѣтская власть открыто говоритъ и объ ея предназначеніи. Но это — не защита русскихъ рубежей, не защита родныхъ очаговъ — эти понятія вытравлены изъ совѣтскаго обихода. «Красная армія — есть

армія международнаго пролетаріата», и конечная цѣль ея — «борьба за міровую революцію и торжество коммунизма».

Совѣтская власть, въ этихъ видахъ, охотно пошла бы войною противъ любого своего сосѣда, если-бы это было возможно и сулило успѣхъ. Она заинтересована — и весьма — Дальнимъ Востокомъ, особенно какъ базой для растленія восточной Азіи... Но продастъ и предастъ его въ любой моментъ съ такою же легкостью, какъ это дѣлалось въ дни Брестъ-Литовска, если это понадобится для собственнаго спасенія или въ интересахъ правящей партіи.

2-го января 1918 г., въ виду наступленія нѣмцевъ, въ Могилевской Ставкѣ состоялся военный совѣтъ, на которомъ главковерхъ Крыленко излагалъ точку зрѣнія народныхъ комиссаровъ:

— Какое дѣло намъ до того, заботится или не заботится Германія о нарощеніи или ненарощеніи территоріи! Какое дѣло намъ, будетъ или не будетъ урѣзана Россія! И какое, наконецъ, намъ дѣло — будетъ или не будетъ существовать сама Россія въ томъ видѣ, какъ это доступно пониманію буржуевъ. Наплевать намъ на территорію! Это — плоскость мышленія буржуазіи, которая разъ навсегда и безвозвратно должна погибнуть.

Вотъ это — обнаженный ликъ совѣтской власти. Все другое — личина, все другое обманъ. Какимъ трагическимъ и недоумѣннымъ эхомъ прозвучалъ призывъ ген. Брусилова въ 1920 году, въ критическій моментъ борьбы совѣтовъ съ поляками, когда онъ, съ соизволенія потерявшаго голову совѣтскаго командованія, при полномъ неодобреніи коммунистической партіи, обратился къ русскому офицерству и ко всей націи съ призывомъ... къ патріотизму. Призывомъ, надъ которымъ коммунисты, по миновеніи опасности, жестоко и зло посмѣялись. Партійная конференція вынесла даже особую резолюцію по этому поводу: «Вопіющій вздоръ и клевета на коммунистическую партію — об-

винение ея въ національной ограниченности и національ-реформистской политикѣ»...

Обманываютъ и теперь, когда не только красные командиры, но даже «Коммунистическій Интернаціоналъ» на своихъ страницахъ пишетъ, что «Красная армія, согласно политикѣ совѣтской власти, въ случаѣ проникновенія японскихъ полчищъ на территорію совѣтскаго союза, будетъ грудью его отстаивать, не уступая ни одной пяди своей земли». Обманутъ и продадутъ и «пяди», и кровь красноармейскую — русскую кровь...

«Наплевать намъ на территорію!» — говорилъ Крыленко. И это новое откровеніе по какому-то необъяснимому недоразумѣнію нашло отраженіе въ эмигрантскихъ массахъ. Люди считаютъ «клочкомъ земли» дальневосточныя области, которыя, при всей ихъ нынѣшней некультурности, представляютъ огромный земельный фондъ и обладаютъ богатѣйшими нѣдрами, которыя открываютъ Россіи, запертой съ сѣвера льдами Ледовитаго океана, съ запада — Бельтскими и Зундскимъ проливами, съ юга — Босфорскими укрѣпленіями — свободный выходъ къ открытому океану, — выходъ, къ которому она неудержимо стремилась на протяженіи всей своей исторіи. И кто далъ право намъ распоряжаться русскимъ достояніемъ — н а м ъ , лишившимся Родины не только по Божьему произволенію, по большевистскому навожденію, но и по собственнымъ винамъ!

Будьте же послѣдовательными: если одни отдаютъ Японіи Дальній Востокъ, то не приходится осуждать другихъ, которые отдаютъ Финляндіи — Карелію, Эстоніи — Ингерманландію, Румыніи — Бессарабію; не надо противиться украинскому «буферу», который батько Левицкій, преемникъ Петлюры, готовитъ подъ протекторатъ Польши, панъ гетманъ — подъ Германію, и панъ Остраница — еще подъ чью-то высокую руку. Не надо тогда возмущаться новоявленной Казакіей, сибирскимъ и кавказскимъ сепаратизмомъ, ибо всѣ эти буферы, всѣ эти отрывы «клочковъ земли», дѣйствительно, ослабили бы совѣтскую власть и повели бы,

быть можетъ, къ ея паденію. Но что сталось бы тогда съ Россіей!? Отрѣзанной отъ морей и житницъ, окруженной враждебными образованіями, отброшенной вспять на пять столѣтій...

Теорія «клочковъ земли» имѣетъ и другое пагубное значеніе. Еще не пришелъ купецъ на торжище за разодранными русскими ризами и не сказалъ свою цѣну. А мы... мы уже взываемъ:

— Требуй, не стѣсняйся! Мы готовы отдать и Приморье, и весь Дальній Востокъ, ибо для насъ они — только «территорія»...

... ...

И такъ, въ случаѣ вторженія иностранной державы въ предѣлы Россіи, съ цѣлью захвата русской территоріи, участіе наше на ея сторонѣ недопустимо. Къ несчастью, — и въ этомъ трагизмъ нашего положенія, — для насъ невозможна и защита Родины прямымъ участіемъ въ дѣйствіяхъ той арміи, которая нынѣ еще именуется Красной, доколѣ она не сброситъ съ себя власть предателей.

11.

Какъ же отнестись къ тому случаю, если бы Японія, не посягая на цѣлость Россійской имперіи, предложила устройство на территоріи Дальняго Востока государства-буфера?

Вопросъ этотъ не новъ, онъ имѣетъ свою длинную исторію съ 1920 года. Недавно, въ офицерскомъ собраніи въ Шанхаѣ, въ бесѣдѣ со своими соратниками, ген. Дитерихсъ сказалъ:

«Въ 1922 году, оставляя Приморье, руководящіе японскіе дѣятели говорили: «Мы пытались, въ сотрудничествѣ съ вами, бѣлыми, предотвратить распространеніе коммунистической заразы на Дальній Востокъ и сохранить за этими русскими областями болѣе здоровое политическое объединеніе. Но народъ Дальняго Востока хотѣлъ большевиковъ, а вы не сумѣли объединиться ни между собой, ни съ народной массой, и

потому красная армія получила возможность вытѣснить васъ съ вашей территоріи. Теперь мы попробуемъ сотрудничать съ совѣтами. Мы ихъ хорошо изучимъ и увидимъ, — можно ли съ ними работать. Если наше изученіе большевиковъ будетъ не въ ихъ пользу, то, конечно, придется рвать съ ними и искать болѣе пріемлемой ситуаціи. Возможно, что въ этомъ случаѣ, мы снова прибѣгнемъ къ вамъ, если вы сумѣете выявить болѣе сильное военное и болѣе вѣское политическое объединеніе».

Что можно возразить противъ такой постановки вопроса, если бы дѣйствительность не вызывала серьезныхъ сомнѣній въ ея искренности...

Вѣдь въ началѣ 20 года опытъ, и очень серьезный, сотрудничества японцевъ съ большевиками былъ. Ибо раньше, чѣмъ поддерживать «буферъ» Меркулова и ген. Дитерихса, японцы поддерживали «буферъ» большевистскій, подъ фирмой «Читинской Народной республики» и медвѣдевскаго «земскаго» правительства... Вѣдь, съ ихъ согласія, были отданы большевикамъ Владивостокъ, Хабаровскъ, Благовѣщенскъ, и получили доступъ въ города, скрывавшіеся въ тайгѣ отряды красныхъ партизанъ, которые и приступили потомъ къ расправѣ съ несчастнымъ населеніемъ и остатками бѣлаго воинства. Вотъ въ эти именно «внутреннія дѣла русскихъ» японцы не пожелали вмѣшиваться, оберегая только своихъ резидентовъ. Вѣдь идея большевистскаго буфера не была оставлена и въ 23 году, когда на конференціи съ послами Московскаго правительства въ Чань-Чунѣ японцы соглашались признать и войти въ договорныя отношенія — только не съ Москвою, а съ «Дальне-восточной совѣтской республикой», — не съ цѣлымъ, а со слабой его частью...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не прекращалось нащупываніе почвы относительно «буфера» и среди русской эмиграціи. Въ особенности, въ 26 году, — когда второстепенные японскіе агенты вели частные переговоры насчетъ буфернаго государства съ представителями ген. Хорвата, сибирскаго областничества и другихъ общественныхъ группъ. Лѣтомъ того же года въ Парижъ пріѣ-

ѣзжалъ бывшій предсѣдатель Приамурскаго правительства Спиридонъ Меркуловъ, усиленно проводившій мысль о необходимости войти въ соглашеніе съ Чанъ-Цзо-Линомъ, который, за уступку ему Китайско - Восточной желѣзной дороги, , обѣщалъ предоставить, очевидно, съ одобренія японцевъ, возможность русскихъ формированій для овладѣнія «буферомъ». Меркуловъ ссылался на близость къ Чанъ-Цзо-Лину своего брата Николая, который, повидимому, и долженъ былъ возглавить это начинаніе.

Нужно сказать, что въ 26 и 27 годахъ въ военныхъ кругахъ вопросъ о «буферѣ» сталъ настолько актуальнымъ, что вел. кн. Николай Николаевичъ созывалъ по этому поводу совѣщаніе. По словамъ участниковъ, оно вынесло заключеніе: «работать въ пользу буфера нельзя; но, разъ онъ создастся, использовать его въ россійскихъ интересахъ». Я могу сказать, что и въ началѣ 29 года имѣло мѣсто обращеніе, на этотъ разъ оффиціальныхъ японскихъ лицъ, къ одному изъ представителей крупной зарубежной организаціи. Японцы были весьма осторожны, освѣдомлялись о возможностяхъ эмиграціи и ея отношеніи къ вопросу, но сами никакими предложеніями себя не связывали.

Объясненіе этимъ непрекращающимся попыткамъ можно дать двоякое: быть можетъ, извѣстные японскіе круги, путемъ длительнаго опыта сосѣдства съ большевиками, пришли къ заключенію, что имъ выгоднѣе сосѣдство не съ ними, а съ Россіей, на нѣсколько десятилѣтій не опасной для японскаго проникновенія. Можетъ быть, и другое, что «буферъ» — только ширма. Потому что, вѣдь, и какой-нибудь россійскій Пу-И могъ бы сослужить большую службу Японіи — снисканіемъ расположенія къ «антибольшевистскому выступленію» со стороны европейскихъ державъ, прикрытіемъ отъ постановленій Вашингтонской конференціи, наконецъ, смягченіемъ одіума къ пришельцамъ со стороны населенія русскаго Дальняго Востока.

Но въ томъ ли, другомъ ли случаѣ, сама идея «буфера» носитъ въ себѣ порочное содержаніе. Напрасно нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ ду-

мають, что вотъ создастся буферное государство съ твердыми границами, оберегаемыми чьими-то штыками, и начнется въ немъ государственное строительство, наступитъ миръ и благоденствіе. Словомъ, будетъ создано своего рода показательное поле, которое привлечетъ сердца тѣхъ, что остались за красной чертой.

Ничего подобнаго не можетъ быть!

Совѣтская власть допустила созданіе латвійскаго и эстонскаго «буферовъ», она помирится, въ случаѣ надобности, и съ японскимъ, отдавъ имъ весь «буферъ» въ вѣчное и потомственное владѣніе, но никогда и ни за что не потерпитъ буфера р у с с к а г о. Не будетъ тамъ ни серьезнаго строительства, ни мира, ни благоденствія, будетъ жестокая война — съ границами — фронтами, переходящими изъ рукъ въ руки, съ реквизиціями и мобилизаціями. Война, исходъ которой будетъ зависѣть отъ того, — подымется ли народъ русскій. Подымется — спасеніе, не подымется — гибель.

Но на этотъ рискъ можно идти. На рискъ тяжелыхъ испытаній въ краѣ, нынѣ бѣдномъ, бездорожномъ и пустынномъ, на рискъ прекращенія отъ какого либо внѣшняго или внутренняго кризиса или соблазна совѣтскихъ предложеній иностранной помощи. На рискъ — собственными головами. Но при одномъ непремѣнномъ условіи: никакихъ буферовъ! Никого этимъ не обманешь, кромѣ самихъ себя. Съ занятіемъ перваго клочка освобожденной русской земли и до послѣдняго надъ ними долженъ быть поднятъ русскій флагъ. Съ перваго же дня они, подъ международной гарантіей, должны быть частью единой Россіи. Только такая ясная, не затуманенная идея можетъ зажечь наши сердца, только она можетъ привлечь къ себѣ сочувствіе за красной чертой и не вызоветъ тамъ подозрѣній, — естественныхъ и обостренныхъ большевистской агитаціей, — въ захватныхъ стремленіяхъ иноземцевъ.

Пусть это будетъ интервенція. Интервенціи бываютъ разныя. Разныя по формѣ: вооруженной силой и финансово-экономическимъ содѣйствіемъ, явная и тайная. Разныя и по содержанію... Русскую интервенцію на Балканы вотъ уже шестой десятокъ лѣтъ благослов-

ляютъ освобожденные славяне. Поляки же проклинаютъ до сего дня и интервентовъ, трижды раздѣлившихъ Польшу, и память тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые содѣйствовали этому.

Когда, въ 1919 году, регентъ Сербіи, нынѣ король ея, Александръ, съ величайшей готовностью бралъ на себя формированіе 40 тыс. сербскаго добровольческаго корпуса, чтобы послать его на помощь Вооруженнымъ силамъ Юга, то могло ли въ чьей либо русской душѣ возникнуть сомнѣніе въ безкорыстіи этого шага и въ матеріальной незаинтересованности сербскаго народа... Только экономическая немощность почти разореннаго войной королевства и нежеланіе Европы придти ему на помощь въ этомъ дѣлѣ — помѣшали сербской интервенціи...

Наше національное сознаніе глубоко оскорблено примѣрами прошлаго. Мы не видимъ до сихъ поръ никакого просвѣта въ отношеніяхъ державъ къ русскому вопросу. Вотъ почему само слово «интервенція» вызываетъ во многихъ изъ насъ, и, въ томъ числѣ и во мнѣ, только чувство острой горечи.

Въ 1919 году одно время на постъ главнокомандующаго Сѣверо-западн. фронтомъ выдвигался ген. Вас. Іос. Гурко. Когда съ нимъ по этому поводу вступилъ въ переговоры англійскій представитель въ Прибалтикѣ, ген. Гурко поставилъ рѣшительно три основныхъ вопроса: 1) какія политическія или экономическія цѣли преслѣдуютъ союзники въ видѣ компенсаціи за помощь; 2) какія средства, — денежныя и матеріальныя, — намѣрены они предоставить; 3) и будетъ ли русскій главнокомандующій облеченъ полною мочью. Отвѣта не послѣдовало... и переговоры прекратились.

Такъ вотъ... Если бы, подъ давленіемъ міровыхъ кризисовъ или въ предчувствіи новыхъ страшныхъ столкновеній, измѣнилось отношеніе державъ къ первопричинѣ многихъ кризисовъ и многихъ столкновеній, — совѣтской власти... Если бы нашлась держава, имѣющая желаніе и возможность взять на себя тяготу разрѣшенія русскаго вопроса, въ соотвѣтствіи съ интересами Россіи и достоинствомъ арміи, то тогда, и только

тогда, такое выступленіе и наше въ немъ участіе было бы не авантюрой, не пособничествомъ въ расхищеніи Россіи, а святымъ дѣломъ ея освобожденія.

12.

Въ послѣднее время немало говорятъ о томъ тупикѣ, въ который попала русская эмиграція... Да, тупикъ. Но не потому, что всѣ пути заказаны. Пути есть, и въ надвигающейся міровой схваткѣ ихъ окажется еще больше. Объ одномъ я говорилъ; другіе еще не ясны, или о нихъ правильнѣе будетъ помолчать; третьи безспорны, — какъ, напримѣръ, — серьезное возстаніе народа или Красной арміи.

Тупикъ — въ другомъ. У насъ нѣтъ организованнаго общественнаго мнѣнія, нѣтъ авторитетнаго представительства русской эмиграціи, которое могло бы, опираясь на довѣріе ея и на тщательное изученіе международныхъ отношеній, блюсти, въ мѣрѣ силъ, національные интересы Россіи и использовать тѣ возможности, которыя даютъ или дадутъ развертывающіяся событія. А безъ широкой организаціи нѣтъ и не будетъ средствъ, не будетъ и силы, невозможна сколько-нибудь серьезная подготовка моральная, политическая и военная.

Что говорить о путяхъ, когда при теперешнемъ разномысліи и разноголосицѣ невѣдомо, кто, куда и съ чѣмъ по нимъ пойдетъ. Ибо великое дѣло — жертвенная готовность, но дорога предстоитъ длинная и тяжелая, и съ одной этой моральной цѣнностью до завѣтной цѣли не дойдешь.

И когда разразится гроза, если мы станемъ только безсильными и бездѣятельными с в и д ѣ т е л я м и ея, — это будетъ уже не тупикъ, а конецъ исторической роли русской эмиграціи, ея политическая смерть.

Того же автора:

Очерки Русской Смуты:	т. I.	Парижъ. 1921 г.
	т. II.	Парижъ. 1922 г.
	т. III.	Берлинъ. 1924 г.
	т. IV.	Берлинъ. 1925 г.
	т. V.	Берлинъ. 1926 г.
Офицеры (очерки).		Парижъ. 1928 г.
Старая армія,	т. I.	Парижъ. 1929 г.
	т. II.	Парижъ. 1931 г.

Imp. BASILE. 1, villa Chauvelot — Paris 15e

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DS518.7
.D37

Цѣна 3 франка

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Monsieur P. Koltycheff
71, rue Vallier. Levallois-Perret (Seine), France